

ГОЛОД В ПОВОЛЖЬЕ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОМОЩИ В 1921 ГОДУ

В.А. Поляков

В научной литературе, круг которой о голоде в Поволжье в первой половине 1920-х гг. не столь широк, в ряду многих известных аспектов особенно важным представляется рассмотрение первого опыта государственной помощи.

Если в России до прихода к власти большевиков память народная дату 5 февраля (по юлианскому стилю) звала *«голендухой»*, потому что обь эту пору уже выходят запасы прошлого года¹, то в 1921 г. февраль был отмечен фактами голодной смерти людей. Первые известия об этом пришли из Самарской губернии, где «ввиду неурожая 1920 г. и взысканной непомерной разверстки в 10 млн пудов» крестьяне стали голодать уже с января месяца, а «в половине февраля начались голодные заболевания и смертные случаи»². Это означало, что завершился более чем двухмесячный рубеж выживаемости человека без пищи, и началась глобальная катастрофа с эпицентром в Поволжье. Результаты продовольственной политики были налицо: каких-либо запасов у большинства крестьян не осталось. При этом в печати, при отсутствии других средств массовой информации, «помещать статьи о голоде не позволялось»³.

В середине февраля ЦК РКП(б) как высший властно-распорядительный орган в РСФСР принял циркуляр и направил его за подписями секретаря ЦК В. Скрябина-Молотова и заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом Я. Яковлева в адрес партийных организаций всех уровней. В нем говорилось: «Голод на Волге усиливается. Голодает до 13 млн человек, десятая часть всего населения Республики. До настоящего времени помощь еще мала или случайна, в ней еще преобладают формы частной благотворительности, продуктовая помощь значительно уступает денежной».

Далее заявлялось: «В настоящий момент в связи с окончанием в марте подготовительных работ к сельскохозяйственной кампании ЦК выдвигает задачу борьбы с голодом как боевую массовую политическую и деловую кампанию. В ней должны принять участие все без исключения члены партии, причем ответственность за ход кампании возлагается целиком на Облбюро, Губкомы и Укомы».

Вслед за этим давались разъяснения, что «помощь голодающим только тогда даст необходимые результаты, когда она превратится в постоянную, систематическую революционную деловую работу», и предлагались следующие мероприятия: «Основной лозунг, данный партией: “Десять обеспеченных кормят одного голодного” – должен быть осуществлен во что бы то ни стало. Перед партией стоит задача добиться того, чтобы рабочий *отчислял добровольно* (здесь и далее выделено нами. – В. П.) 3 фунта в месяц; чтобы каждые 30 рабочих и служащих усыновили одного ребенка; каждый крестьянин *должен* дать голодному не меньше 3 фунтов хлеба в месяц; каждые 10 дворов *должны* принять на свое содержание 1 ребенка».

Завершался циркуляр по партийному стандартно: объявлением даты начала кампании с 15 марта через «фундаментальную проверку помощи» и началом «Двухнедельника», выявляющего «все недостатки»⁴.

Документ этот принципиально важен, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, началом катастрофы в нем признавался февраль месяц, и оснований объяснять причины голода последующей засухой, что станет доминирующим в советской историографии, еще нет. Во-вторых, историкам, разделявшим вышеназванную доминанту, предлагавшиеся начинания «десять сытых кормят одного голодного» и другие известны были, но они относили их к осени 1921 года⁵.

Теперь же ход событий и ситуация становятся иными. Если в содержании предлагаемых мероприятий можно найти только пропагандистский смысл, потому что на практике ни десять сытых не накормят одного голодного, ни 30 человек не смогут усыновить одного ребенка и т. д., то от факта признания в феврале 1921 г. голодающими 13 млн человек уйти нельзя. Но так как судьба этих миллионов оказалась на втором плане, на первом были «великая посевная кампания» и продналог, партийный циркуляр, как «неудобный» документ, был долго не востребовавшимся. По этой же причине и мероприятия помощи голодающим, следовавшие со стороны советского государства, пусть и в ограниченных размерах, историками не анализировались, так как опять разрушали бы официально сформулированную концепцию о причинах голода в летней засухе, а не в предшествующей продовольственной политике.

Следствием этой политики предстает *Постановление Президиума ВЦИК об организации комиссии ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая в Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской и Царицынской губерниях*, принятое 17 февраля 1921 г., то есть вслед за цитированным партийным циркуляром. Первоначально в состав той комиссии под председательством М. Калинина при заместителе П. Смидовиче вошли «т. Каменев от Московского Совета, т. А.П. Смирнов от Наркомпрода и т. Селицкий от Всероссийского центрального совета профессиональных союзов».

В их компетенцию вошло разрешение вопросов: о «точном установлении районов, наиболее пострадавших от неурожая; руководство и наблюдение за всеми мероприятиями по оказанию помощи голодающим; объединение в области помощи голодающему населению мер, проводимых комиссариатами и центральными учреждениями». Но принципиально существенным предстает указание «о возможности употребить тот хлеб, который не удастся вывезти, для снабжения голодающего населения», потому что этим пунктом голод подтверждался как следствие изъятия у крестьян хлеба, а условие помощи тем же отобранным ранее хлебом ставилось в зависимость от его невывоза.

И заканчивалось постановление «поручением представить в недельный срок сведения о плане мероприятий на рассмотрение Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета»⁶.

После того как 27 февраля состав комиссии был увеличен за счет двух представителей наркомата продовольствия, она с 1 марта 1921 г. приступила к конкретной деятельности. Во-первых, определились с назначением заседаний по воскресеньям в 12 часов в кремлевской приемной М.И. Калинина.

Во-вторых, на том заседании, проходившем под председательством П. Смидовича, были поставлены вопросы о причислении Череповецкой губернии к числу голодающих и организации продовольственной помощи беднейшему сельскому населению Балаковского, Пугачевского и Новоузенского уездов Саратовской губернии через запрос к Покровскому губпродкому. Он прозвучал в виде вопроса: «В каком виде и размере предполагается организация продовольственной помощи беднейшему сельскому населению, исходя из телеграммы НКПрода № 140137 от 28 февраля?»⁷ Напоминание, возможно, было уместно, но при этом нельзя не обратить внимание на то, что чуть позже, 15 марта и 13 апреля, в тот же Покровск последуют ленинско-цюрупинские строгие предписания о выделении еще и семян для Трудовой коммуны Области немцев Поволжья⁸. Все это говорило о несогласованности не только в напоминаниях и самих распоряжениях, но и о противоречивости их как по существу, так и по отношению к конкретной ситуации. Зерна там не было, и все указания остались невыполненными.

В-третьих, из повестки того заседания, где всего было рассмотрено семь вопросов, важными для понимания характера деятельности комиссии представляются два следующих: «Об утверждении проекта обращения Комиссии к трудящимся и проекта объявления Президиума ВЦИК об организации Комиссии» и «О выработке организационного плана работы Комиссии по организации хозяйственной помощи сельскому населению...» Разработать проект обращения поручили А.Б. Халатову и П.Г. Смидовичу, что могло бы, в случае выполнения ими за установленный двухнедельный срок, снять завесу недо-

говоренности с нараставшей трагедии голода. Только это случится не скоро: вначале оправданием станет болезнь Халатова, затем подготовку обращения перепоручат одному Смидовичу, но 10 апреля его вариант признают неудачным и вновь переложат на Халатова⁹. В итоге о реальных масштабах голода страна и мир узнают лишь летом 1921 года.

Оценивая организационный план работы комиссии ВЦИК, надо иметь в виду, что всякий план еще не есть конечный итог работы, во имя которой он и разрабатывается, но уже из него, со значительной долей определенности, о конечном результате можно предполагать. Разработчиков, что естественно, на успех нацеливали, но, судя по содержанию, вряд ли оптимизм мог превалировать. План с абсолютной точностью вобрал в себя предыдущую практику большевиков, которая голоду предшествовала и продолжала неизменной оставаться. Это видно из главного положения о «признании необходимым назначение от ВЦИК специальных уполномоченных в Губкомиссии по оказанию помощи сельнаселению для организации, руководства и наблюдения, возложив на уполномоченных председательствование в Губкомиссиях», потому что подобным образом поступали и раньше в период иных кампаний. И теперь «в основе организационной работы осталась инструкция НКПрода об организации продпомощи сельнаселению от 29 сентября 1920 г.»¹⁰, то есть предписания того самого ведомства, деятельность которого стала причиной сложившейся ситуации.

Следующее заседание комиссии состоялось 13 марта 1921 г. и пришлось на дни работы X съезда РКП(б), что наложило свой отпечаток. Высокопоставленные члены комиссии, будучи представленными еще и на высшем партийном форуме, свои обязанности поделили своеобразно: по протоколу председателем заседания был записан П.Г. Смидович, но подпись оставил М.И. Калинин. Из содержания документа, призванного уменьшить тяготы голодных людей, видно, что и этот орган нес на себе характерную особенность неудачной деятельности властных большевистских структур.

Больше всего времени в тот раз было отведено обсуждению отчета «О работе Туль-

ской Губкомиссии», постановление по которому тоже становилось своеобразным эталоном на будущее. В этом отношении довольно странное постановление, состоявшее из семи пунктов, по трем из них требует комментария. Во-первых, «предложение НКПроду в двухнедельный срок выяснить состояние завешенной капусты в Тульской губернии и, в случае нахождения на квашпунктах капусты, не выдерживающей критики, передать такую Тульскому Губпродкому для сельского населения», то есть гнилую капусту голодающим. При этом в «снабжение продовольствием штатных пунктов» вошла «обеспеченность 560 000 пуд. картофеля, находящегося фактически в губернии в картофелехранилищах», то есть выходило так, что ранее изъятый у крестьян продукт им же на помощь теперь пытались использовать.

Во-вторых, состоялось решение «во изменение п. 7 инструкции Наркомпроду об организации продпомощи сельнаселению прибавить п. “Особом случае невозможности организовать питательные пункты, в виде исключения, продукты могут выдаваться в сухом виде, причем раздача мотивируется особым протоколом, предварительно утвержденным Уездкомиссией. Продукты выдаются в сухом виде по удовлетворении потребности питательных пунктов”». Порочность этого дополнения, вскоре ставшего камнем преткновения при работе иностранных благотворительных организаций, станет зримой уже осенью. Дело в том, что люди начнут погибать в своей массе тогда, когда после продолжительного голодания станут получать продукты и сразу без ограничений их потреблять. Иностранцы на это не пойдут и будут настаивать на организации питания голодающих только в помещениях столовых. К тому же использование сухих пайков создавало большие возможности для «лазеек» и провоцировало их расхищение.

И третьим было решение «ввиду неблагоприятных видов на снабжение питательных пунктов приварком (то есть мясом. – В. П.), предложить НКПроду сделать распоряжение Калужскому, Тульскому, Рязанскому, Орловскому и Царицынскому Губпродкомам на усиление охраны от вывоза из этих губерний продовольственных продуктов, как нормированных, так и ненормированных». То есть вновь

делался акцент на усиление заградительных отрядов и обособленность голодающих регионов, которые на этих самых принципах такими и стали, а теперь эти принципы пытались использовать на иные цели, что вновь обрекало на повторение прежних неудач.

Еще одним следствием того заседания стало увеличение списка голодающих губерний после внесения в этот ряд Череповецкой губернии, в отношении которой постановили: «Утвердить ежемесячную норму снабжения сельского населения Череповецкой губернии в ½ фунта и предложить НКПроду выдать одновременно для сельского населения Кирилловского, Тихвинского и Белоозерского уездов по 1 фунту соли»¹¹. В ситуации отсутствия продуктов питания, но вследствие увеличения потребления соли при использовании суррогатных продуктов с большим количеством воды реальной станет «голодная болезнь» в форме так называемой «отечной болезни», начинающейся с появления отеков – скопления жидкости чаще всего в нижних конечностях, а затем быстро распространяющихся на половые органы, туловище, лицо, руки, внутренние полости тела людей¹².

Кроме того, из отчета туляков следовало, что «перераспределение (изъятие у имущих для неимущих. – В. П.) в Тульской губернии прошло весьма неудачно, что объясняется тем, что при перераспределении главное внимание было обращено на обеспечение семенами, при весьма же незначительном продовольственном обеспечении сельского населения. Фонд перераспределения для потребления весьма ограничен, и население относится к нему отрицательно»¹³.

О том, что такой подход был присущ в одинаковой мере как работникам центральных органов, так и местным, свидетельствует, к примеру, решение областного комитета РКП(б) Трудовой коммуны Области немцев Поволжья от 15 марта, то есть в те же дни состоявшееся. Заслушав в составе присутствовавших двух «т.т. Майзингера и Рыздинского отношение Золотурнского сельсовета и заявление бедняков о неимении продовольствия и просьбу оказать содействие в получении такового из Райпродкомов», постановили: «Препроводить на рассмотрение Губпродкома, – с дополнением, – полагаем, что в первую голову необходи-

мо приступить к внутреннему перераспределению имеющихся продуктов путем организации бедноты, а потом лишь подумать об организации столовой для бедняков, где их будут кормить жмыхом и шелухой»¹⁴. Объяснение вполне внятное: в первую очередь добывайте своими руками у имущих односельчан, иначе во вторую очередь последуют «жмых и шелуха» в «столовой для бедняков».

Следующее непродолжительное заседание комиссии при ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, состоялось 23 марта. В присутствии четырех постоянных членов – Калинина, Лобачева, Яковлева, Пауфлера – был заслушан отчет Нестерова от Калужской губкомиссии и принято решение:

«...2) Предложить Калужскому Губисполкому в 3-дневный срок реорганизовать Комиссию согласно инструкции НКПрода от 29 сентября 1920 г.

3) Признать работу Калужской Губкомиссии неудовлетворительной, предложить Губкомиссии в 10-дневный срок выработать реальный план организации помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, и представить его в Комиссию ВЦИК»¹⁵.

Постановляющая часть, что видно по предложению действовать по старой наркомпродовской инструкции, вновь несла на себе печать продрозверстки, но одновременно присутствовал и пункт с реальной неудовлетворительной оценкой работы губернской комиссии, что с полным правом можно было относить ко всему делу помощи голодавшему крестьянству.

Из последующих трех заседаний той же комиссии при ВЦИК, которые состоялись в апреле месяце, заслуживают внимания два. Дело в том, что второй весенний месяц по недостатку продуктов был самым острым: остатки чего-либо пригодного к пище в это время заканчиваются, местами остается снег, а природная растительность не успевает набрать массу для ее потребления людьми и животными. По этой причине на первом из заседаний, проходившем 3 апреля, заслушали сообщение Лобачева «О плане снабжения голодающего сельского населения». Им предлагалось для пяти губерний выделить хлеба и крупы: «Калужской – 40 000 пудов, Рязанской – 40 000 пудов, Орловской – 10 000 пудов,

Тульской – 10 000 пудов и Царицынской – 12 000 пудов». Подобная помощь, если иметь в виду несколько миллионов человек голодных, была незначительной и к тому же еще только планировалась. Поэтому, приняв информацию к сведению, собрание в составе Калинина, Смидовича, Лобачева, Селицкого и Яковлева вполне резонно постановило: «Предложить НКПроду представить к следующему заседанию справку о фактическом выполнении нарядов для сельнаселения на все продукты по губерниям на 1 апреля с/г. и перспективы на остальные месяцы».

Еще одним важным пунктом того заседания стало «ходатайство Покровского губпродкома о даче специальных нарядов для сельнаселения за счет сокращения вывоза из Покровской губернии». Оно было вызвано тем, что на этот губпродком при недоедании собственного населения было возложено обеспечение, как выше отмечалось, зерновыми продуктами для питания и на семена трех уездов Саратовской губернии и Области немцев Поволжья. Из критической ситуации комиссия нашла выход в следующем постановлении: «Предложить Покровскому Губпродкому производить снабжение сельского населения за счет перераспределения, согласно распоряжения НКПрода»¹⁶.

Заседание комиссии, проходившее 10 апреля, имело наибольшее значение из всех пяти предыдущих. На тот момент острота голода как раз продолжала нарастать, но вопли голодающих за пределы голодных территорий проникали только как слухи народной молвы. Несмотря на это, участники заседания приняли решение: «Проект обращения к крестьянству и казачеству с призывом к пожертвованиям для голодающего населения» – отложить.

Вторым по значимости был вопрос «О предоставлении транспортных средств голодающим крестьянам для организованных поездок за продовольствием в порядке продуктообмена». Решение по нему включало пять пунктов. Тот, что относился к транспортникам, принимался в присутствии представителей наркомата путей сообщения Войнова и Осипова. Этот пункт гласил: «В целях урегулирования беспорядочного движения отдельных крестьян из голодающих местностей в производящие губернии за хлебом, разрушающего транспорт,

признать необходимым ввести самовольные поездки голодающих крестьян в организованное русло»¹⁷. Идея «организованного русла» по своей сути новой не была. Свертывание товарно-денежных отношений сделало нормой парадоксы, заключающиеся в неприятии за благо потребителей услуг, в том числе и людей, пользующихся транспортом. Раньше от них была прибыль, при большевиках пассажиры стали «головной болью» для транспортного начальства. Поэтому и в данном постановлении они получают противоестественный ярлык «разрушителей», а в продолжении появится еще и цель «вести поездки голодающих в организованное русло».

Большевики к подобного толка «организованности» стремились всегда, начиная с момента прихода к власти в стране, где положение стало скатываться к критическому во всех отраслях хозяйства. В конце 1921 г. ответственный секретарь Саратовского губкома РКП(б) Мартынов, возвращая делегатов XI губернской партконференции к ситуации полугодовой давности, сказал: «Вы хорошо помните, какое настроение было весной у крестьян, когда некоторые уезды становились на колеса, когда эта голодная масса снималась и двигалась в более урожайные места и уничтожала на своем пути все, что было. Это была живая сила, физическая сила – “саранча”, которая в своем движении не останавливалась ни перед чем»¹⁸. Признание точное, потому что люди действительно были доведены до такого безвыходного состояния, что партийный секретарь уничижительно сравнил их с саранчой.

Основная идея, проходившая через остальные пункты по разрешению транспортной проблемы, заключалась в декларациях об организации продуктообмена с двумя важными условиями. Они заключались в том, чтобы «организовать товарообмен и закупку кооперативных организаций голодающих крестьян на собственные ресурсы, силами делегированных представителей», и второе: «Вся работа по продуктообмену как на средства Компрода, так и отдельных кооперативных организаций голодающих крестьян производится от имени Комиссии ВЦИК организуемыми Губ. и Уездкомиссиями совместно с Губ. и Уездсоюзами под руководством представителей Компрода за от-

ветственностью Компрода». Иначе говоря, крестьянам предлагалось утолять голод, о своей причастности к которому государственные органы не упоминали, за счет «собственных ресурсов голодающих», но помощь в виде «всей работы по продуктообмену» производить «от имени Комиссии ВЦИК...». Так вновь у крестьян пытались отнять и присвоить, но теперь не продукты, а правдивые факты о системе помощи.

Конечно, в советских партийно-государственных инстанциях помощь голодающим на повестку ставилась, и рассматриваемые протоколы тому свидетельство, как и их подоплека, которая ясно из тех документов тоже видна. Так, решение по вопросу «О плане снабжения голодающих крестьян на май – июль», за пределы начальственных кабинетов не выходящее, гласило: «Общую потребность для голодающих крестьян... в размере 3 000 000 пудов, в силу общего тяжелого продовольственного положения Республики, выполнить невозможно, и потому общий фонд снабжения сельнаселения понижен до 800 000 пудов хлеба-крупы». По этой причине и в погубернском распределении были представлены только Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская и Царицынская губернии, из коих лишь последняя к голодавшему Поволжью относившаяся должна была получать по майскому плану скудные 20 000 пудов.

При этом было отмечено, что «дополнительного снабжения картофелем и другими овощами, кроме ранее данных нарядов, за минованием сезона произведено быть не может, но по переборке семенного картофеля, часть поступит для общепитания сельнаселения». Получалось аналогично тому, как ранее произошло с гнилой капустой, а теперь было задумано поступать и с отбракованным картофелем. Кроме того, прежнее решение о выдаче по 1 фунту соли населению трех уездов Череповецкой губернии теперь решили распространить и на «сельское население голодающих уездов Калужской, Тульской и Рязанской губерний»¹⁹.

Для голодавшего населения, тогда еще не ведавшего о рассмотренных мероприятиях, не стал обнадеживающим и план распределения хлебофуража, попадавший на газетные полосы. «Совет Народных Комиссаров в заседании своем от 12 апреля 1921 г., – будет

написано в официальном «Собрании Узаконений» за № 34, – постановил:

1. Утвердить представленный Народным комиссариатом продовольствия и одобренный комиссией Совета Труда и Оборона под председательством заместителя народного комиссара продовольствия Брюханова план распределения хлебофуража в пределах назначения на апрель с тем, чтобы по мере поступления данных о проверке численности едоков в результате установленного... месячника производить дальнейшее уменьшение отпуска потребителям.

2. Обязать Народный комиссариат продовольствия исключить временно из планов снабжения все гражданское нерабочее население во всех городах и фабрично-заводских поселках губерний, где разрешены свободный обмен, продажа и покупка хлеба, за исключением Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и Кронштадта»²⁰.

Спустя два с небольшим месяца, 21 июня 1921 г., пункт 2 был дополнен примечанием к нему:

«Примечание. Наркомпроду предоставляется право в пределах действительной необходимости делать дальнейшие исключения в порядке снабжения гражданского нерабочего населения, как в отношении тех или местностей, так и размеров снабжения с одновременным доведением о сем до сведения Совета Народных Комиссаров»²¹.

Тогда же, подписывая постановление, В.И. Ульянов-Ленин собственноручно дописал на нем: «Не публиковать»²², что сделало эту инструкцию руководящим документом для советских чиновников, но с содержанием, не доступным для граждан.

Выходило так, что ранее «провозглашенный лозунг: “Не трудящийся, да не ест!”»²³ из статьи 18 первой советской конституции стал реальностью жизни²⁴, за исключением прежней и новой столиц, одного рабочего центра и крепости, потрясшей страну антибольшевистским восстанием.

Не стали положительным фактором для голодающего населения и обнадеживающе оптимистичные слова «признать необходимым увеличить продовольственные ресурсы Республики на 50 и во всяком случае не менее чем на 25 миллионов пудов хлеба»²⁵ еще из одного принятого 12 апреля постановления СНК, ко-

торое за ленинской подписью было опубликовано в том же номере «Собрания Узаконений». А вот решение распространить и на «сельское население голодающих уездов Калужской, Тульской и Рязанской губерний» выдачу по 1 фунту соли продолжение получило. 27 апреля 1921 г., после того как работавший в той же ВЦИКовской комиссии А.Б. Халатов внес проект, состоялось утверждение *Постановления СТО о дополнении постановления СТО от 18 февраля 1921 г. об обеспечении потребности РСФСР в соли в 1921 году*²⁶. И в результате станет так, что голодные люди действительно в этой приправе нужду больше испытывать не будут.

В мае, хотя ситуация к лучшему не изменилась, комиссия при ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, провела всего лишь одно заседание. Собравшиеся 8 мая 1921 г. Калинин, Халатов, Селицкий и Яковлев обсудили три по своему важных вопроса. Первым был рассмотрен проект, а затем утверждена «Инструкция Губкомиссиям по оказанию помощи голодающему сельскому населению».

Вторым обсуждался вопрос «О выполнении семенного плана для голодающих губерний на 1 Мая». Из доклада, представленного членом коллегии наркомпрода А.Б. Халатовым, следовало, что в трех губерниях из пяти поставки семян даже превзошли плановые задания. В частности, Царицынская – вместо 601 000 пудов получила 620 000 пудов, или 103 % от намечавшихся²⁷. Только при этом надо иметь в виду, что посевная кампания в ней же и была фактически сорвана из-за отсутствия семян. В землю, по причине расхищений, почти ничего не попало, равно как и во многих других местах. Вскрыто это было чуть позже, и 13 июня за подписью М. Калинина и А. Енукидзе последовало *Постановление Президиума ВЦИК по вопросу о привлечении к ответственности ряда губернских продовольственных комиссаров*.

В его первой части говорилось, что «дела по обвинению губпродкомиссаров губерний: Орловской, Курской, Смоленской и Тульской – направить, ввиду заинтересованности в данных делах местных губисполкомов, в Судебную коллегия Верховного трибунала как одно дело, причем, так как в отношении губпрод-

комиссаров губерний Тульской и Смоленской, виновность коих явно не установлена, требуется дополнительное расследование на месте, в отношении же комиссаров Орловской и Курской губерний выясняется необходимость привлечения к ответственности и иных лиц, – ввиду этого поручить Следственной комиссии Верховного трибунала произвести необходимые следственные действия, вопрос же о судебном органе, где будет слушаться дело, предоставить на усмотрение Судебной коллегии Верховного трибунала в зависимости от результатов, добытых следствием».

Во второй части, затрагивавшей судьбы «губпродкомиссаров губерний: Курской, Оренбургско-Тургайской и народных комиссаров республик Башкирской и Татарской, равно как губпродкомиссара Сибири по обвинению в перерасходе семенного зерна, ввиду явной недостаточности сообщенных данных, дело решено было направить к доследованию, – и, в случае привлечения к суду, дело направить для рассмотрения в Судебную коллегия Верховного трибунала. Дело губпродкомиссаров губерний: Вятской, Орловской и Народного комиссариата по продовольствию Татарской республики по обвинению в растрате продовольственного хлеба, ввиду недостаточности представленных данных и неустановления виновных, направить к доследованию, в зависимости от коего разрешить вопрос о передаче их суду»²⁸. Доследования, по времени тяжкие и без передачи в суд, будут начаты, но на судьбах голодавших не отразятся. Зато следственные действия сами по себе неоспоримы в том плане, что криминальные факты тоже есть подтверждение сохранения в продовольственном аппарате прежней практики из эпохи продрозверстки.

С таким же неудачным итогом можно оценивать и сообщение А.И. Яковлева «О назначении товарного и закупочного фонда для целей товарообмена сельскому населению», которое третьим по очереди прозвучало на заседании комиссии при ВЦИК 8 мая 1921 года. Размеры средств, выделенных для голодавших губерний, были следующие: «Калужской – для заготовки в Пензенской и Тамбовской 100 000 аршин мануфактуры и прочего товара на 5 000 руб. золотом, Тульской – для заготовки в Самарской 50 000 аршин мануфактуры и прочего товара на

10 000 руб. золотом, Орловской – для заготовки в Уфимской и Самарской губерниях 100 000 аршин мануфактуры и Рязанской – для заготовки в Саратовской на 20 000 руб. золотом разных товаров». Только за внешне впечатляющими цифрами выделенного на помощь голодавшим надо иметь в виду ситуацию нарастающего голода в Пензенской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерниях, куда для получения продуктов товарный фонд направляли. В результате таких решений положение не изменится к лучшему ни в тех голодных губерниях, которым ресурсы выделялись, ни в тех же голодных, куда за продовольствием их будут адресовать. Члены комиссии, не обратив на это внимание, не только «примут сообщение к сведению», но и вынесут решение: «Просить т. Калинина обратиться к Председателю Татсовнаркома с просьбой содействовать Череповецкой Губкомиссии по реализации нарядов на товарный фонд, данный на Таткомпрод»²⁹. Этим, связывая голодавшую Череповецкую губернию с такой же нуждающейся в продовольствии республикой, лишь расширят рамки неудачного опыта.

Этот опыт складывался из того, что и ранее наряды на поставку товаров в деревню или срывались, или выполнялись далеко не полно, хотя продукты крестьянского труда под эти товары всегда изымались в полном объеме. Руководителям тех органов власти, которые к людям были ближе, напоминать вышестоящему начальству приходилось об этом часто. Типичным примером является телеграмма от 17 марта 1921 г. в Астраханский губисполком и губраспред из Енотаевска. «Наряд 1920 г., – сообщали предгорсовета Каширский и правления ЕПО Ечев, – выполнен полностью: 360 пудов зачетом масла, полностью яйца, полностью кожи, шерсть зачетом одних сортов другими почти полностью. Население положительно не дает покоя, требуя выдачи мануфактуры 5 аршин каждую душу до обещанной нормы 15 аршин. Просим распоряжения выдачи остатков мануфактуры небольшим добавлением складов Губсоюза дабы не подорвать заготовки 1921 г., потеряв доверие населения»³⁰.

С началом лета голод в РСФСР не только не отступил, но и стал охватывать новые территории Среднего и Нижнего Поволжья. О неспособности советских властных структур обеспечивать население продуктами пи-

тания убедительно свидетельствовало *Постановление СНК по вопросу о контроле за распределением продовольствия*, принятое на заседании правительства 24 мая 1921 года. В этом документе с ключевым термином «*контроль*» в его названии был предложен выход наипростейший: «...снятие с пайка рабочих в не необходимых предприятиях»³¹. После таких решений и городское население уже бесповоротно обрекалось на острый недостаток пищи. Если в России питание крестьянства устойчиво улучшалось с 1890-х гг. и с точки зрения калорийности превосходило питание горожан, а среднее дневное потребление по стране на начало XX в. составляло 4 684,44 калорий³², то при советской власти в системе «Народного питания» даже в начале 1923 г. калорийность не превышала 1 200–1 400 калорий³³. Это было чуть больше голодной нормы, которая с осени 1921 г. предоставлялась иностранными организациями.

Такая помощь последовала за тяжелыми летними месяцами, когда города стали заполняться голодными беженцами. Миллионы несчастных скапливались на пристанях, вокзалах и полустанках.

В нескольких губерниях положение стало критическим, и там, по аналогии с центральным руководством, приступили к созданию местных комиссий помощи. Симбирская губкомиссия под председательством Самохвалова и губисполком, не видя иного выхода при отсутствии пищи у третьей части из двух миллионов населения, обратились за продовольственной помощью на половину июня и июль месяц к кремлевскому руководству³⁴.

Более сложные явления наблюдались в Самарской губернии. «Тысячные голодные толпы облагают Уездисполкомы и терпеливо ждут, – с растерянностью сообщали оттуда представители местных органов власти с нотками сожаления из-за невозможности применить насильственные меры, – ни какие угрозы не действуют, некоторые тут же от истощения умирают. Необходима немедленная помощь, в первую голову для детей путем ввоза хотя бы минимального количества хлеба, а затем отпуск денег и товаров для товарообмена, причем внутри губернии никакого товарообмена не может быть, потому что хлеба

нет. А имеющиеся скрытые пуды как только показываются – вырываются голодающими без всякого товарообмена и распределяются фунтами и т. д. Сейчас количество голодающих крестьян в Самарской губернии перевалило уже за 900 000 человек»³⁵.

Только незначительными деталями отличалась ситуация в Области немцев Поволжья, Саратове, Царицыне и других местах. В связи с этим возрос и поток беженцев, покидающих районы бедствия. 1 июня СТО был вынужден принять специальное постановление, в котором «предписал Наркомпроду снабдить Центрозвак необходимым продовольствием для питания 20 тысяч самовольно скопившихся беженцев по расчету на три недели»³⁶.

10 июня 1921 г. Президиум ВЦИК, еще один из центральных советских органов, принял короткое, но важное постановление: «1. Послать комиссию из представителей Наркомпрода, Народного комиссариата земледелия, Центрального статистического управления и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета для обследования положения в Среднем и Нижнем Поволжье и в первую очередь в Самарской губернии.

Поручить Секретариату Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета назначить членов комиссии по соглашению с подлежащими ведомствами.

2. Налог на озимые посевы в Самарской губернии отменить.

3. Взимание налога на яйца и масло временно приостановить.

4. Вопрос об оказании помощи Самарской губернии перенести в Комиссию по оказанию помощи голодающим крестьянам»³⁷.

Как видно из текста, первой предлагавшейся формой неотложной помощи была отмена или приостановка налога, что вновь указывало на него как одну из основных причин голода. А далее решение вопроса переносилось как раз в ту комиссию, работа которой началась еще в феврале. 12 июня она, теперь именуемая по протоколу как комиссия ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, собралась на свое девятое заседание. Из постоянных членов комиссии присутствовали Калинин, Смирнов, Филюрин. Кроме них в заседании участво-

вала целая группа лиц, представлявших голодающие губернии: от Симбирской – губпродкомиссар Райхман и делегаты Никифоров, Криушкин, Агеев, Каратаев и Сизов, от Самарской – член губисполкома Вавилин и делегат Карнаухов.

Вначале собравшиеся произвели перемены в своем составе, вместо «Яковлева А.И. утвердили секретарем Комиссии Управляющего Отделом Общественного Питания Компрота т. Филюрин Б.Л.». После этого уже новый секретарь доложил «О финансовом положении Комиссии». Из доклада, принятого к сведению, следовало, что протоколом от 8 мая 1921 г. было решено «просить Президиум ВЦИК предложить СНК отпустить в счет будущей сметы 5 млрд руб. на заготовку продовольствия голодающему сельскому населению, каковую сумму обеспечить дензнаками. 27 мая Малый Совет Народных Комиссаров постановил отпустить 2 млрд в счет общей сметы Упрзаготовок, составлявшей 48 млрд. Покрытие дензнаками должно быть произведено в общем порядке за счет предоставленного в распоряжение Народного Комиссариата Продовольствия фонда дензнаков, причем закупка должна быть произведена на общих основаниях договора, заключенного между Народным Комиссариатом Продовольствия и Центросоюзом о заготовке для государства сельскохозяйственных продуктов и сырья путем товарообмена (редакция Народного Комиссариата Финансов). Предложенная редакция Народного Комиссариата Продовольствия не была принята ввиду слушания дела ранее указанного часа».

Далее следовало, что операционное отделение наркомпрода «может сейчас предоставить в распоряжение комиссии один миллиард рублей, – при этом губернским комиссиям до сего времени было отпущено 1 024 млн руб., из них Калуге – 357, Туле – 170, Череповцу – 40, Царицыну – 50, Орлу – 161, Рязани – 246. В настоящее время просят Калуга и Немкоммуна».

Затем перешли к тем вопросам повестки дня, что непосредственно затрагивали кризисные регионы, их было четыре. По трем из них: «О положении Области Немцев Поволжья», «О работе Царицынской Губкомиссии» и «О работе Самарской губкомиссии» –

докладывал опять Б.Л. Филюрин. Закончилось их обсуждение принятием решения о присвоении статуса «голодающих» Области немцев Поволжья и Самарской губернии с назначением председателем в «Губкомиссии помощи голодающим Предгубисполкома т. Сокольского», а в Царицынской, имевшей этот статус с февраля, дополнительно выделили 50 млн рублей³⁸.

Последним был заслушан доклад «О положении Симбирской губернии», с которым выступил губпродкомиссар Райхман. В связи с тем, что эти материалы раньше не анализировались, а в протоколе комиссии их по какой-то причине продублировали еще и в виде копии на отдельном листе (возможно, что малая родина вождя привлекла особое внимание), полностью процитируем из них объяснения причин голода. Они вытекали из пояснений докладчика, что «разверстка на 1921 г. была для губернии – 6 700 000 пуд. хлеба, 5 000 000 съела сама губерния, 1 700 000 вывезено по нарядам Наркомпрода. Губерния дала все, что имела. Компрод обещал, что в свое время даст хлеб из Сибири. Время это наступило – хлеба нет. Крестьяне считают себя обманутыми. Местами расхитили хлеб приблизительно 100 000 пуд. Теперь картина отчаянная. Посев скверный, в уездах только 40–50 % полей обсеменены. Крестьяне массами со всех уездов, за исключением Ардатовского, требуют хлеба для детей».

А в конце, признав полное банкротство, заявил с отчаянием: «Нет денег, нет товарного фонда. Необходима реальная помощь».

В тут же последовавшем постановлении, которое было однотипным с ранее принятым для Самары, этой помощью, во-первых, стало «признание Симбирской губернии голодающей». Во-вторых, председатель губисполкома Самохвалов был утвержден председателем губкомиссии, в состав которой теперь делегировался еще и представитель комиссии ВЦИК, а «для немедленной помощи голодающему сельскому населению» предполагалось «отпустить 150 000 000 руб. и выделить товарный фонд в размере 100 000 руб. довоенного времени». В-третьих, наркомпроду решили предложить «срочно пересмотреть план снабжения в смысле

выделения Симбирской губернии определенного количества хлеба для крестьянского населения. Предложить НКПроду срочно выяснить возможность использования товарного и денежного фонда, отпускаемого Симбирской губернии для получения хлеба голодающему сельскому населению посредством товарообмена на Украине и Сибири»³⁹.

Из всего намечавшегося для оказания помощи, конечно, что-то до рук голодавших людей дошло, но покрыть даже минимальные потребности всей массы нуждавшихся, вполне ясно, не могло. Оказалось, что изъять, даже в таком несправедливо разорительном для крестьян соотношении от произведенного, о каком вновь напомнил представитель Симбирска, было значительно проще, чем возвращать это спасительной компенсацией. Поэтому тяжелейший период преодоления голода по времени примет столь затяжной характер.

В это время В.И. Ульянов-Ленин, за 20 дней июня пять раз выезжавший для отдыха в подмосковные Горки и непрерывно находившийся там с 5-го по 13-го и с 17-го по 20-е числа, в очередной раз вернувшись 21 июня в Кремль, в 11 часов принял участие в важном заседании политбюро ЦК РКП(б)⁴⁰. На этом заседании при обсуждении продовольственного вопроса было поручено ему и председателю Московского совета обсудить проект резолюции, который должен был доставить замнаркомом продовольствия Н.П. Брюханов. В итоге от имени высшего партийного органа было принято решение «I) Поставить сегодня в СНК: а) вопрос об усилении продовольственных заготовок и вывоза хлеба в тех районах, откуда вывоз в центр может быть произведен, б) вопрос об усилении закупки продовольствия за границей, в) о мерах к усилению борьбы с мешочничеством (то есть с частниками, как это и было ранее. – В. П.) в Сибири и г) запрос Кагановича о непредоставлении ему 2 000 красноармейцев для продработы, д) об объединении вывоза хлеба из Кокчетавы и Семипалатинска (Киргеспублика) в руках Сибпродкома и Сибревкома. II) Поручить Военному ведомству не препятствовать посылке курсантов на продовольственную работу на Украину»⁴¹.

В тот же день, 21 июня, «ввиду особого обострения продовольственного кризиса» Со-

внарком, путем принятия постановления «*О дозготовке хлеба прежнего урожая в максимальных размерах*», сразу и нашел еще один вариант выхода из продовольственного кризиса, первоначально санкционированный большевистским политбюро. Получалось, что непомерные изъятия продуктов у крестьян по разверстке 1920 г., ставшие основной причиной голода, теперь задним числом вновь возрастали, но уже с объяснением о помощи голодающим. В правительственном постановлении по этому поводу говорилось:

«<...> 2. Обязать Наркомпрод принять в самом срочном порядке самые решительные меры к проведению на окраинах дозготовки хлеба прежнего урожая в максимально возможных размерах.

3. Обязать Военное ведомство подтвердить строжайше о неуклонном исполнении постановления Совета Труда и Оборона от 1 июня 21 г. об обеспечении вооруженной силой органов Наркомпрода; возложить на Наркомпрод ответственность за правильное предъявление требований на вооруженную силу; органы военной власти не должны, в случае крайней надобности, останавливаться перед использованием, но только с разрешения центра, командных курсов для оказания содействия заготовительной работе.

4. Обязать Наркомпуть установить реальный контроль над действительным и неукоснительным проведением в жизнь постановления Совета Труда и Оборона от 15 апреля с. г. о борьбе с незаконными проездами по железнодорогам, в особенности на территории Украины, Сибири и Севкавказа...»⁴²

И тут же, опять следуя политбюровскому указанию, еще одним правительственным постановлением на местные исполкомы и чекистов возложили две новые обязанности: «...местным исполкомам ввести на местах специальный отдельный учет всех мандатов, выданных на поездку в названные выше местности» (Сибирь, Украину, Северный Кавказ, Туркестан) и «...органам ВЧК в недельный срок проверить фиктивность или действительность таких мандатов и виновных привлечь к ответственности» с последующим от ВЧК дважды в месяц докладом в СНК.

Предпринимаемые меры, хотя в тексте и объяснялись «борьбой с эпидемиями», вносив-

шим этот проект заместителем наркома продовольствия Н.П. Брюхановым относились к «мерам борьбы с продовольственным кризисом»⁴³.

Следующим мероприятием того же дня, 21 июня, стало еще одно обращение наркомпрода в политбюро ЦК РКП(б) с предложением рассмотреть проект постановления о снятии с Самарской и Симбирской губерний натуральных налогов на яйца и масло. Политбюро постановило: «Поручить Президиуму ВЦИК пересмотреть в ближайший четверг [23 июня] о снятии масляного и яичного налога с Самарской и Симбирской губерний с точки зрения необходимости обеспечения не общегосударственных нужд, а местного голодающего населения». Последнее выявляет довольно странное понимание «общегосударственных нужд», в кои не входят конкретные люди целых регионов, и только в условиях голода, будто бы отказываясь от следования общегосударственным интересам, в высшей партийной инстанции примут решение оказать им помощь не направлением продуктов, а отменой поборов все тех же продуктов с неимущих.

23 июня ВЦИК продублировал партийное решение уже своим постановлением, «предложив Самарскому и Симбирскому губисполкомам в срочном порядке разрешить вопрос о яичном и масляном налоге, принимая во внимание не общегосударственные, а местные нужды и взимая его с имущей части населения в пользу голодающих этих двух губерний.

Размеры налога и распределение его обсудить и сообщить Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Наркомпроду в 2-недельный срок со дня получения настоящего постановления»⁴⁴.

Выходило, во-первых, что законодатели не только волю партийцев выполняли, но и продолжали воплощать в жизнь на «рельсах коммунизма» принципы классового подхода. Во-вторых, получалось это без особой поспешности, коли две недели отводились на какое-то обдумывание и на решение местных органов, в то время как голодные люди оставались обязанными искать продукты на оплату налогов, а не на свое пропитание.

А далее, скорее всего этими же принципами руководствуясь, Президиум ВЦИК принял постановление «*О снабжении продо-*

вольствием голодающих Саратовской губернии». При этом «снабжение армии, железных дорог и водников» можно было «принять за счет Наркомпрода (центра), так же как и снабжение детей, находящихся на иждивении Республики», выполнив принципиально важное условие, оговоренное в пункте: «2. Снабжение товарным фондом из НКПрода возможно только в том случае, если заготовка будет произведена в пределах Саратовской губернии»⁴⁵.

Повторились эти же подходы и в решениях комиссии ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, которая в тот же день (23 июня) собралась на свое последнее заседание. За председателя был Смидович, кроме него присутствовали Лобачев, Смирнов, Филюрин и представители от Пензенской и Саратовской губерний.

Доклад саратовцев Самсонова, Крупинина, Форофанова и Платонова «О критическом продовольственном положении губернии» был краток, скорее всего, потому, что рассмотренные выше решения Президиума ВЦИК всем в комиссии были известны. В связи с чем и лаконичное постановление гласило: «Признать Саратовскую губернию голодающей».

Информация делегатов Минкина, Гринштейна и Рыделя от Пензы, расширявшая общие границы района бедствия в Поволжье, заняла больше времени. Но и их объяснения причин голода были однотипными с теми, что ранее доводились из разных мест. Доклад начинался сообщением, что «Пензенская губерния выполнила 116 % госразверстки, своих запасов уже не имеет 3 месяца».

Далее была обозначена местная специфика, которая заключалась в следующем: «7 июня т. Халатов обещал дать губернии 50 вагонов хлеба, о чем делегаты поставили губернию в известность, из обещанных в первую очередь 25 вагонов Наркомпрод послал только 16, которые прихвачены железнодорожниками. Дело передано в ЧК. Обстоятельство это вызвано тем, что железнодорожники с апреля ничего не получали, кроме как по 5 фунтов хлеба. Положение создалось отчаянное. Против железнодорожников выставлены были даже пулеметы».

Окончание сообщения, давая пессимистичные оценки видов на урожай яровых и озимых культур, уподобительно рисовало сло-

жившееся положение: «...хлеб дороже, чем в Москве, втрое, пуд ржаной муки [стоит] 250–300 тыс. рублей. В губернии абсолютно отсутствуют какие-то ни было ресурсы. Положение настолько критическое, что не исключается возможность голодного бунта. Необходимо немедленно еще дослать 34 вагона хлеба, согласно обещания тов. Халатова, и получить от Комиссии разрешение на закупку 100 тыс. пуд. хлеба для 260 тыс. голодающих крестьян».

В принятом постановлении комиссия посчитала возможным записать следующее: «Доклад принять к сведению – это первое.

Второе, считать Пензенскую губернию неблагоприятной в смысле урожая.

Третье, включить губернию в число голодающих губерний с вытекающими из этого последствиями:

- а) снять налог на озимые культуры;
- б) забронировать весь озимый клин и семенной фонд;
- в) обследовать яровой клин на предмет определения налога с него»⁴⁶.

Таким образом, помощь голодающему пензенскому крестьянству, как и соседним страдальцам, была выражена лишь обещанием снять налог, но не полностью, а только с озимых культур, одновременно определив его размеры со скудного урожая ярового посева. В итоге ситуация, что в общегосударственном масштабе, что в Поволжском регионе, как в целом, так и в любой его губернии, области и республике, стала не просто критической, а возможной для выхода из-под контроля властей. Информация чекистов, что видно из таблицы, составленной по «Оперативно-информационным сводкам секретно-оперативного управления ВЧК» за июнь – июль 1921 г., давала основания для самого мрачного сценария последующих событий в стране (см. табл.).

Обобщающие данные таблицы о негативных проявлениях на почве голода, которые были зафиксированы во всех административных частях региона, можно рассматривать не иначе как свидетельство полной безысходности населения. К этому состоянию дорога пролегла через возвращение к принципам разверстки, добиравшей остатки продуктов у крестьян, новые ограничения на передвижение по стране, активизирование борьбы с мешочни-

чеством ⁴⁷ как проявлением частной торговли. Из этого перечисления вытекает аксиомный вывод, что основополагающая причина голода кроется в разверстке и других элементах, составляющих эту политику. Повторяемость однотипных решений высших партийно-государственных институтов власти и, в частности, комиссии ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, заканчивавшихся неудачей, однозначно подтверждали исчерпанность внутренних ресурсов государства. Единственный выход оставался в помощи извне.

Завершая изложение проблемы голода как национальной катастрофы начала 1920-х гг., отметим главное. Во-первых, бедствие это с самого начала по характеру было явлением социальным. Десятки миллионов людей

на длительное время оказались без продуктов питания. Скрытый период голода – недоедание горожане стали испытывать с конца 1917 года. Во-вторых, тотальное изъятие продовольствия и сырья из деревни, производимое методом разверстки с начала 1919 г., сделало недоедание обычным состоянием и для большинства крестьянства. К концу 1920 г. голод стал уже явным, что большевистское руководство РСФСР подтвердило 17 февраля 1921 г. постановлением ВЦИК об организации комиссии для оказания помощи крестьянству пяти губерний. Вслед за этим в марте заявленная замена продразверстки налогом ситуацию не только не изменила в лучшую сторону, но и усугубила ее. Неудачно проведенный весенний сев и несколько меньшее от обычной нормы количество осадков весной и

Сведения о фактах, зафиксированных на почве голода в Поволжье (июнь – июль 1921 г.) *

Информация о наличии следующих проявлений негативного характера	Губернии, республики и области **														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Погромы ссыпунктов		X									X	X		X	
Голодные волнения и бунты			X						X	X		X			X
Факты голодной смерти		X			X			X					X		X
Стихийные переезды из голодных местностей					X		X	X	X						
Питание суррогатами			X		X			X					X		X
Холерные и др. эпидемии		X	X		X	X	X	X	X				X		X
Враждебное отношение к соввласти и коммунистам		X	X	X	X	X		X		X		X	X		X
Поджоги домов деревенских коммунистов										X					
Массовая распродажа скота					X					X					
Вырезание последнего скота					X										
Самосуды за кражу											X				

* Составлено по данным: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 1998. С. 448–475.

** Условные обозначения, принятые в таблице: 1 – Астраханская губ., 2 – Башкирская АССР, 3 – Марийская автономная область, 4 – Нижегородская губ., 5 – Область немцев Поволжья, 6 – Оренбургская губ., 7 – Пензенская губ., 8 – Самарская губ., 9 – Саратовская губ., 10 – Симбирская губ., 11 – Татарская АССР, 12 – Уфимская губ., 13 – Царицынская губ., 14 – Челябинская губ., 15 – Чувашская автономная область; X – характер информации.

в начале лета привели к тому, что явный голод охватил все Поволжье и ряд смежных с ним районов. При этом попытка распространить скрываемую от общественности деятельность вышеназванной комиссии ВЦИК на ряд новых регионов результатов не дала. Это было связано с тем, что ее единственной декларативной формой помощи стали заявления об уменьшении размеров продовольственной разверстки для централизованного фонда наркомата продовольствия с тех районов, какие получали статус голодающих, что реально не изменяло положение населения, уже ничего не имеющего. В результате 23 июня 1921 г. состоялось последнее заседание этой комиссии, что стало завершением того неудачного опыта государственной помощи голодающим, который для широких масс населения остался тогда малоизвестным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Голод // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А – З. М., 1989. С. 369.
- ² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 33 об.
- ³ См.: Центр документации новейшей истории Ульяновской области (ЦДНИУО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 14.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 11. Д. 43. Л. 14.
- ⁵ См.: Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975. С. 32, 77.
- ⁶ Декреты Советской власти. Т. 13. 1 февр. – 31 марта 1921 г. М., 1989. С. 104.
- ⁷ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- ⁸ См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 667–668; Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921 г. М., 1997. С. 255.
- ⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 об., 25, 29, 30.
- ¹⁰ См.: Там же. Л. 23 об.–24.
- ¹¹ Там же. Л. 25–26.
- ¹² См.: Черняк Я.И. Голодание // Большая советская энциклопедия. Т. 17. М., 1930. С. 464–468.
- ¹³ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 25 об.–26.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 593. Л. 60 об.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
- ¹⁶ См.: Там же. Л. 29.
- ¹⁷ Там же. Л. 30.
- ¹⁸ Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 27. Оп. 2. Д. 8. Л. 8 об.
- ¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–30 об.
- ²⁰ Постановление СНК об утверждении плана распределения хлебофуража и о мерах его реализации. 12 апреля // Декреты Советской власти. Т. 14. С. 74–75.
- ²¹ Постановление СНК о дополнении п. 2 постановления СНК от 12 апреля 1921 г. об утверждении плана распределения хлебофуража и о мерах его реализации. 21 июня // Декреты Советской власти. Т. 16. М., 2004. С. 439.
- ²² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 10. Январь – июль 1921. М., 1979. С. 577.
- ²³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 245.
- ²⁴ 21 мая 1921 г. Ульянов-Ленин в «Проект наказа СТО» в конце вопроса 12 «Продовольствие» внес примечательное добавление: «В каждом крупном потребляющем центре (большой город, средний город... и т. п.) мы кормим много лишних людей... Надо систематически “ловить” таких “лишних” едоков, нарушающих основной закон: “не трудящийся да не ест”. Для этого в каждом подобном месте должен быть назначаем ответственный статистик, обязанный изучать данные переписи 28.VIII.1920 и данные текущей статистики и каждые 2 месяца давать отчет о лишнем едоках за своей подписью» (См.: Наказ СНК и СТО местным советским учреждениям, утвержденный ВЦИК. 30 июня // Декреты Советской власти. Т. 16. С. 235), в окончательном варианте ставшее вопросом: «4. Как ведется борьба с лицами, нарушающими основной закон: “Не трудящийся да не ест”?» (См.: Там же. С. 268).
- ²⁵ Постановление СНК о снабжении РСФСР хлебофуражом. 12 апреля // Декреты Советской власти. Т. 14. С. 76.
- ²⁶ См.: Декреты Советской власти. Т. 14. С. 320–321.
- ²⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
- ²⁸ Декреты Советской власти. Т. 16. С. 395–396.
- ²⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
- ³⁰ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 79. Л. 108.
- ³¹ Декреты Советской власти. Т. 15. М., 1999. С. 344.
- ³² См.: Миронов Б.Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 40; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 529.
- ³³ См.: Польский М.П. Проблема общественного питания в первые 15 лет Советской власти // Вопросы истории. 1984. № 2. С. 28–29.

³⁴ См.: ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 33 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Постановление СТО о предоставлении Народным комиссариатом по продовольствию Центральному управлению по эвакуации населения продовольствия на питание беженцев. 1 июня // Декреты Советской власти. Т. 16. С. 330.

³⁷ Постановление Президиума ВЦИК об учреждении комиссии для обследования положения в Среднем и Нижнем Поволжье и в первую очередь в Самарской губернии. 10 июня // Декреты Советской власти. Т. 16. С. 383–384.

³⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–33 об.

³⁹ Там же. Л. 33 об., 34.

⁴⁰ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 502–573.

⁴¹ Постановление СНК о дозаготовке хлеба прежнего урожая в максимальных размерах.

21 июня // Декреты Советской власти. Т. 16. С. 437.

⁴² Там же. С. 436.

⁴³ См.: Постановление СНК о запрещении местным исполнительным комитетам выдавать разрешения на поездки в Сибирь, Туркестан, на Украину и Северный Кавказ в связи с эпидемиями. 21 июня // Декреты Советской власти. Т. 16. С. 438.

⁴⁴ Постановление Президиума ВЦИК по вопросу о взимании натурального налога на яйца и масло в Самарской и Симбирской губерниях. 23 июня // Декреты Советской власти. Т. 16. С. 454–455.

⁴⁵ Декреты Советской власти. Т. 16. С. 455.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

⁴⁷ См. подробнее: Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 320–321.